

**Катерина
Мурашова**

**Дверь,
открытая
всегда**

Екатерина Мурашова

Дверь открытая всегда

«Автор»

Мурашова Е. В.

Дверь открытая всегда / Е. В. Мурашова — «Автор»,

«Темно. Проем между какими-то зданиями. Не то склады, не то бараки. Качаются поодаль голубоватые, желтые и синие тени. Пробегает луч прожектора. Слышен лязг сцепляющихся вагонов, шипение, свист, гудки. В глубокой тени медленно идет человек. Он не прячется, но откровенно насторожен. Стена, колеса, вагон. Человек осторожно тянет на себя дверь. Мечется лучик фонаря...»

© Мурашова Е. В.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Екатерина Мурашова

Дверь открытая всегда

Пролог

Темно. Проем между какими-то зданиями. Не то склады, не то бараки. Качаются поодаль голубоватые, желтые и синие тени. Пробегает луч прожектора. Слышен лязг сцепляющихся вагонов, шипение, свист, гудки. В глубокой тени медленно идет человек. Он не прячется, но откровенно насторожен. Стена, колеса, вагон. Человек осторожно тянет на себя дверь. Мечется лучик фонаря.

– Кто здесь?! – две черные фигуры на мгновение замирают. – А-а! Это вы! Не спится?

– Никак не уснуть. Все думаю, тревожусь. Никак не могу поверить: неужели это не во сне, неужели мы действительно ее нашли?

– Ваше дело ученое... Не вы один волнуетесь-то. А все же лучше бы на боковую. Завтра разгрузка, погрузка, иные хлопоты. Я вот сейчас проверю еще раз и тоже – спать.

– Да-да, вы правы. Надо взять себя в руки. Я ухожу домой. Спокойной ночи.

– И вам спокойной.

Человек деловито и споро идет до угла, за углом резко останавливается и замирает. Выглядывает. Луч фонарика погас. Слышны ночные звуки сортировочной станции, мечется по небу луч прожектора. Человек негромко свистит, дожидается ответного свиста и на цыпочках крадется обратно.

* * *

Обычная людская мешанина и толчея «блошиного» рынка. У входа продают вещи с рук и играют в наперстки. Молодой милиционер лениво гоняет самодельных торговцев (они отходят, но снова возникают за его спиной) и с любопытством наблюдает за игрой. На рынке оглушительно ревет музыка, перемежающаяся рекламными объявлениями. Толстая тетка примеряет огромную ондатровую шубу и вертится в ней перед зеркалом. Худенькая продавщица с немолодым, помятым лицом держит зеркало, уверяет тетку, что шуба сидит на ней совершенно великолепно, и называет тетку «солнышком». Тетка сомневается и колеблется, понимая, как продавщице хочется «спихнуть» дорогую шубу. Муж тетки, лысый и тоже толстый, в расстегнутом кожаном пальто стоит в стороне, тяжело вздыхает и рассматривает молоденькую продавщицу женского белья из ларька напротив. Маленькая старушонка в вытертом пальто с пелериной идет вдоль рядов с соленьями и аккуратно пробует капусту из каждой миски. Продавщицы смотрят на нее неодобрительно, но молчат. В конце концов старушонка покупает триста грамм. Следом за ней идет мальчишка лет 11–12 в длинной куртке и разбитых кроссовках, загребает капусту полной жменей и жует. На подбородке у мальчишки застывшая капля томатного соуса. У него плоское, несимметричное лицо, узкие зеленовато-серые глаза.

– Эй! Пошел отсюда! – шумит на мальчишку продавщица, перегибаясь через прилавок и краснея.

– Тише, тетя! – смеется мальчишка. – Гляди, лопнешь от злости, капуста даром пропадет.

У прилавков с компьютерными и музыкальными дисками стоят мужики и подростки. Тут же вертятся гибкие продавцы в кожаных куртках и черных вязаных шапочках. Подростки спрашивают новые игры. Продавцы рекламируют «стрелялки» и «стратегии».

– Пожалуйста, новое поступление: Крутой Сэм, второе пришествие. Три новых вида оружия: снайперская винтовка, огнемёт и бензопила...

– Герои магии и меча – классика и новые версии, 150 магических артефактов, 8 кампаний из Тени Смерти...

Худенький мальчик в очках рассматривает программные диски, что-то спрашивает у продавца. Продавец отвечает, смотрит на мальчика с некоторым удивлением. Мальчик задумывается, ставит диск на место, берет следующий.

Мальчишка, который ел капусту, глаза, идет вдоль прилавков с одеждой, и вдруг замечает толстого мужика в расстегнутом пальто. Рассеянный взгляд его сразу становится цепким, а походка – вкрадчивой и как-то по-особому аккуратной. Мужик перемигивается с молоденькой продавщицей белья, она, зазывно улыбаясь, показывает ему образцы своего товара. Мужик приосанивается, вынимает руки из карманов, закуривает.

Взгляд мальчишки сосредотачивается еще больше. Из-за небольшого роста он видит как бы середины проходящих мимо человеческих фигур – расплывшиеся талии женщин, обтянутые задки девиц, ремни, пряжки, сумки... В центре всей картины – распахнутые полы кожаного пальто. Постепенно взгляд концентрируется на оттопыренном кармане, и словно в замедленной съемке тянется из длинного рукава грязная мальчишеская рука с обгрызенными ногтями...

Спрятав под куртку толстый кожаный бумажник, мальчишка подчеркнуто неторопливо, с независимым видом идет дальше вдоль рядов, даже что-то насвистывает сквозь зубы. Лицо его, впрочем, остается хищно-напряженным.

– Вовчик, я решила! – объявляет толстая тетка, оборачивается к мужу, мигом просекает возникшую ситуацию и обжигает гневным и вместе с тем торжествующим взглядом молоденькую продавщицу белья. – Давай деньги!

Муж послушно лезет в карман пальто и на лице его медленно проступает растерянное недоумение. Быстрее всех ориентируется в ситуации продавщица шуб, которая явно теряет заработок.

– Мальчишка! – кричит она. – Грязный такой, в длинной куртке! Терся тут только что! Да вон же он, недалеко ушел! Держи!

– Вон он, вон! Я тоже подумала! Еще на прилавок посмотрела, не пропало бы что! – присоединяется расположившаяся рядом продавщица детских колготок. – Держи вора!

– Хватайте же его! Уйдет!

– Держи! – визгливо, как бы против своей воли, кричит продавщица белья. Ей вроде и не жалко совсем денег на шубу, украденных у толстой тетки, но общий порыв захватывает и ее.

Мужик в пальто, подхлестываемый злобно-обалделым взглядом супруги, бросается вперед, расталкивая покупателей, которые тоже оглядываются, соображая, кто что украл и кого же нужно держать.

Мальчишка не выдерживает напряжения и бросается бежать со всех ног. Погоня сразу получает цель и организуется. Мальчишка, чтобы сбить со следа, прыгает через прилавок, оказывается в следующем ряду, потом ныряет под другой, переворачивает внизу коробку с яблоками, спелые кругляшки катятся из под прилавка под ноги преследователям, кто-то падает, кто-то кричит, от административного здания бегут крепкие рыночные охранники в черном, а от входа – молодой милиционер, наблюдавший до этого за игрой в наперстки. Толстый мужик неожиданно оказывается неплохим организатором, направляет людей и не дает погоне потерять след. Внезапно вынырнув из-под прилавка прямо перед ним, мальчишка зачерпывает из миски большую горсть кислой капусты и швыряет мужику прямо в лицо. Мужик вскрикивает, останавливается, прижимает ладони к лицу. Уксус, которым бабки подкисляют капусту, немилосердно жжет глаза.

Мальчишка несется дальше, но круг сжимается. Выходы с рынка перекрыты охраной. У компьютерных прилавков, куда еще не дошло возбуждение и шум от погони, мальчишка притормаживает, оглядывается, явно примериваясь, куда скинуть бумажник, и вдруг замечает мальчика в очках с прозрачным, отрешенным от мира взглядом, который рассматривает очередной программный диск. Мальчишка подбегает к нему, дергает за рукав.

– Слушай, поддержи вот это, а? Пару минут только. Мне тут сбегать надо, а это... мешает, ну? Идет? Ты возьми, а я потом к тебе сам подгребу. Ты спокойно стой, не волнуйся, ладно? Я тебя не обижу!

– Что? Что ты сказал? – мальчик в очках явно то ли не расслышал, то ли не понял слов мальчишки.

– Поддержи это! – с отчаянием в голосе, понимая, что не успевает, бормочет мальчишка и решительно сует в руку компьютерного мальчика толстый бумажник.

– А! Конечно! – мальчик наконец понял собеседника и улыбнулся. – Конечно. Поддержать, а потом ты заберешь, – он, не глядя, кладет бумажник в сумку, висящую у него на плече, и снова возвращается к рассматриванию прилавка.

Не веря в свою удачу, мальчишка широко ухмыляется, расправляет плечи и развинченной, но быстрой походкой идет навстречу погоне. И вскоре попадает в цепкие руки молодого милиционера.

– Ну! – строго говорит он. – Где лопатник гражданина в пальто?

– Чего?! – таращит глаза мальчишка. – Какая лопата в пальто? Лопаты в пальто не ходят!

Вокруг собирается толпа людей, принимавших и не принимавших участие в погоне. Толстого пострадавшего не видно. Рыночные охранники держатся в стороне, наблюдают, но в ситуацию не вмешиваются. Милиционер быстро, но сноровисто обыскивает мальчишку. Ему дают советы, высказывают мнения.

– Да он сообщнику передал. Сразу. А потом глаза отводил.

– Правильно вы, женщина, говорите. Они же в паре всегда работают. Это все знают. И в кино показывают.

– Да скинул он его. Я точно говорю! Надо под прилавками пошарить, да в урнах.

– Да не найдешь теперь ничего!

– Прохода от ворья нет! Все воруют!

– Еще Карамзин говорил...

– Вот вспомнили – Карамзин! Вы еще нашу Думу вспомните!

– Законы не работают – все оттого.

– При коммунистах такого не было!

– Чего не было при коммунистах? Карманников?! Увольте! Вот помню, в одна тысяча девятьсот семьдесят шестом году...

– Да причем тут карманники?! Детей беспризорных не было – вот чего! Государство об них заботилось!

– И чего мальчика-то трясут? Теперь самый крайний стал, потому что голодный и грязный. Небось, взрослый карманник спер, а этого ловят, потому что легче...

– Да у них все куплено. Может, этот-то, милиционер, тоже в доле...

– Дяденька милиционер! Пустите меня! Я не брал ничего! – жалобным голосом блеет мальчишка. – Только яблочко одно. Вот! – он достает из кармана помятое яблоко и показывает милиционеру и собравшимся людям. – Но оно на земле валялось...

– А чего же убежал? – спрашивает милиционер.

– Да я испугался, – робко улыбается мальчишка. – Как закричали: Держи! Держи! – так я и побег. А чего – сам не знаю. А потом уж, как водится: меня ловят, я убегаю...

– Врешь ты все, – устало говорит милиционер, отпускает мальчишку и вытирает тыльной стороной ладони вспотевший лоб. – Но лопатника у тебя нет – это правда. Успел скинуть – твоё счастье.

– Это какое такое счастье?! – визжит непонятно откуда взявшаяся толстая тетка и хватается мальчишку за ухо, выкручивая его. Мальчишка тоненько кричит. – Он бумажник вытащил, больше некому, продавщица видела, как он рядом крутился. Пушай теперь скажет, куда дел! Вы-то, милиция, на что?!

– Отпусти мальчика, тетка!

– Обыскали же его, нету твоего кошелька! Чего уши-то крутить?

– Нажралась до того, что жир из ушей течет, теперь вот нашла самого счастливого...

– Пройдемте, граждане, в опорный пункт, разберемся! Где свидетели кражи? Есть свидетели?

– Вот еще! – фыркает молоденькая продавщица белья, и уходит, виляя туго обтянутым джинсами задом.

– У меня товар дорогой, я не могу, – бормочет продавщица шуб. Ей понятно, что шубу у нее сегодня уже не купят. – Меня хозяин заругает, если отлучусь надолго.

– Я не пойду! Я никуда не пойду! Пусть она меня отпустит! – визжит мальчишка, пытаясь выкрутиться из цепких теткиных пальцев. – Я не брал ничего!

– Отпусти мальчишку, свинья жирная!

– Кто свинья?! Я – свинья?! Вовчик! Ты где? Да я сама тебе глаза выцарапаю, голодранец несчастный!

– Граждане, разойдитесь! Разойдитесь, я сказал! Немедленно!

Мальчишка под шумок ныряет под руку ближайшего зеваки и растворяется в толпе. Впрочем, его тут же ловит за воротник и останавливает один из рыночных охранников. Лицо у него широкое, добродушное, с неоднократно переломанным «боксерским» носом.

– Слышь, пацан, ты поосторожней, понял? Капустка там, баночки, жратва какая – это одно. А лопатник у клиента – это совсем другое. Следующего раза не будет – я ясно сказал? И валил бы ты отсюда вообще... А не то... В колонию тебя по малолетству не возьмут, но детприемник я тебе обещаю.

– А мне детприемник по барабану. У меня батя родительских прав не лишен, вернут, как миленькие, под родной кров, – ухмыляется мальчишка.

Охранник жестче сжимает рукой мальчишкино плечо. Мальчишка морщится, молча изгибаясь. В глазах мужчины появляется угроза, смешанная с каким-то непонятным сожалением.

– Вали отсюда! Понял? Семья есть хоть какая, так в школу иди! Учись! В футбол играй! Малолеток еще, жизнь впереди! Ну!

– Что «ну»? – мальчишка взглянул с любопытством. – Не запрягал вроде.

– А, чтоб тебе! – мужчина безнадежно машет рукой. – Я сказал! Еще раз – и все! Понял?! Пошел!

Мальчишка отбегает в сторону, оборачивается. Охранник смотрит ему вслед с той же непонятной смесью злого и жалостного чувства.

– Эй, дядя! – кричит мальчишка. – А ты в детстве в футбол играл или как?

Охранник грозит ему кулаком, но мальчишка уже не видит. Он, на ходу потирая распухшее ухо, со всех ног несется в сторону компьютерных прилавков. Мальчика в очках там уже нет. Мальчишка мечется из стороны в сторону, и вдруг замечает знакомую фигурку уже за воротами рынка. Бежит вслед, резко хватая за плечо, мальчик в очках разворачивается, смотрит с удивлением.

– Ты чего?

– Отойдем. Вот сюда... А вещица-то моя? Позабыл? – нехорошо ухмыляется мальчишка.

– А! – вспоминает мальчик в очках. – Это ж ты мне оставил. А я и позабыл. Да. Где ж оно? – Достает из сумки несколько компьютерных дисков, сует в руки мальчишке. – Подержи. Сейчас. Где же? А – вот, я в отдельный карман положил. Держи. А что это такое? Это... Это... – до мальчика в очках начинает медленно доходить. Мальчишка в куртке весело смеется, обнажая неровные зубы и розовые десны. – Это ты... украл?!

– Нет – подарили, – мальчишка искренне веселится, сбрасывая накопившееся напряжение. – Ну, ты теперь мой поделник, тебе тоже причитается. – Он открывает бумажник, не глядя, вытаскивает пятисотрублевую купюру и протягивает ее мальчику в очках. – Держи, заработал! – Мальчик в ужасе круглит глаза, отдергивает руки.

– Ну-у, какие мы чистоплюйчики, – разочарованно тянет мальчишка. – И дурак ты получаешься! Погулял бы. Или дисков еще прикупил. Держи вот свои-то. В сумку, в сумку положи. Чего тебя, паралик, что-ли, прихватил? Ну ладно. Не переживай. И смотри, не болтай никому. Понял? Как тебя звать-то?

– Родион, – шепчет мальчик, который явно все еще переваривает случившееся. – А тебя?

– Красиво. А меня – Шпень. Если ласково – Шпендик. Ну бывай, Родион? – Мальчишка протягивает руку. Родион берет ее в свою, потом на лице его появляется неуверенность.

– Ништяк, – ухмыляется мальчишка. – Я в прошлую среду руки перед обедом мыл. Недели еще не прошло.

– Я не поэтому, – пытается оправдаться Родион. Объяснить, что он не решается обменяться рукопожатием с вором, решительно невозможно.

– Ништяк! – подтверждает Шпень.

– А... А я в лицее учусь. В математическом. А ты в какой школе учишься? – мальчик в очках не решается завершить ситуацию, но и что делать дальше, явно не знает.

– Я вообще в школе не учусь, – гордо заявляет Шпень, и тут же его посещают некие подозрения. – А тебе зачем? Заложить меня хочешь? Не выйдет, даже и не думай. Тем более, ты сам повязан. Забудь! Ладно, пока.

Шпень ныряет обратно в толчею рынка, а Родион еще долго стоит на месте и смотрит на свою руку. Люди обходят, толкают его, ворчат, но он даже не замечает этого.

Довольно поздний осенний вечер. Ветер. Крупные капли дождя летят наискосок через улицу, падают в черные лужи и тонут в них. Редкие прохожие идут по улице торопливо, подняв воротники или натянув капюшоны. Над спуском в подвал небольшая светящаяся вывеска: «Компьютерный клуб «Хоббит»». Спускаемся по скользким, недавно отремонтированным ступенькам, отворяем оббитую железом дверь. В тесном предбаннике трое подростков курят и возбужденно доказывают что-то друг другу. Человеку, незнакомому с миром компьютерных игр, их речь совершенно непонятна. Впереди видно довольно обширное подвальное помещение с низким сводчатым потолком, уставленное множеством компьютеров. Почти за каждым компьютером сидят мальчишки и юноши от 10 до 20 лет приблизительно. Под потолком горят люминесцентные лампы. Мигают экраны, дрожит свет ламп, цвет лиц сидящих за компьютерами мальчишек колеблется от бледно-голубого до ярко зеленого. Кажется, что действие происходит на морском дне или на том свете. Слышны приглушенные разрывы гранат, свист пуль, стоны, крики ярости. Мальчишки лихорадочно нажимают на кнопки или водят «мышью», в их глазах отражается мерцание картинок на экране, и поэтому все глаза, независимо от их исходного цвета, кажутся одинаковыми – серо-буромалиновыми. И пустыми до самого дна.

Шпень в длинном, почти до колен свитере, с зажатой в пальцах сигаретой пробирается к выходу между стоящими в разных позициях компьютерами. Останавливается за спинами играющих, иногда молча смотрит, иногда подает реплики. Некоторые гонят его («Не мешай!» «Иди, иди куда шел!»), некоторые вступают в разговор. Шпень не обижается, ухмыляется своей кривоватой ухмылкой, идет дальше.

Взрослый мужчина в хорошем джинсовом костюме разговаривает с белобрысым парнем, который собирает деньги с играющих, замечает Шпеня, приветственно машет рукой.

– А, Шпендик! Чего-то тебя давно не видно было. Теперь при деньгах? Забогател?

Шпень уже открыл рот, чтобы произнести нечто хвастливое, но в последний момент спохватывается, окорачивает себя, щурит и без того узкие глаза.

– Куда там, Альберт! Откуда у бедного беспризорника деньги? Так, сдал бутылочки, насобирали грошиков, теперь вот культурно отдыхаю...

– Ну, отдыхай, – улыбается Альберт и окидывает мальчишку доброжелательным в общем-то взглядом. – А вот все хотел спросить: почему у тебя, Шпендик, всегда такой прикид... удлинённый, что ли? Навырост или как?

– Навырост, – усмехается низкорослый Шпендик и не удерживается, чтоб не съязвить. – А я вот тоже спрошу: отчего твой клуб «Хоббит» называется? Разве у тебя, Альберт, шерсть на ногах растет?

Ближайшие мальчишки за компьютерами и белобрысый сборщик платы дружно подхихикивают, а Альберт опять улыбается. На этот раз его улыбка откровенно грустна:

– Нет, Шпендик. С ногами у меня полный порядок. У меня шерсть в другом месте растет. На ушах.

– На ушах?! Как это? – Шпень с недоумением смотрит на гладкие, чуть заостренные уши Альберта.

– Да ты не знаешь, – грустно усмехается Альберт. – Откуда тебе... Что тебе до бывших младших научных сотрудников... – Он снова оборачивается к белобрысому.

Шпень пожимает плечами, идет дальше и останавливается за спиной у маленького мальчишки в бандане и хорошей косухе. Некоторое время Шпень смотрит на экран поверх головы мальчишки, потом говорит:

– Вот сейчас этот гоблин тебя и кончит.

– Накосья-выкуси! – не оборачиваясь, говорит мальчишка, работая «мышью». – У меня еще три жизни и магический кристалл.

– А Грааль ты уже взял?

– Откуда? Грааль же на третьем уровне, а я еще на втором. Сейчас горгулья будет. Живучая, сволочь!

– Ей надо ядовитых грибов дать. А как остановится – так огнеметом.

– Да знаю я, только у меня грибов не осталось.

Мальчишка нажал на паузу и обернулся взглянуть, с кем разговаривает.

– Шпень, – сказал Шпень и протянул руку.

– Сережка, можно Серый, – мальчишка крутанулся на стуле, привстал и пожал протянутую ладонь. Пожатие его маленькой руки оказалось неожиданно крепким.

– Тогда можно ее со скелетом сравнить, – Шпень продолжал давать советы.

– Скелеты тоже кончились, – вздохнул Сережка. – Всех маг из замка покрошил.

– Плохо твое дело, – подытожил Шпень.

– Ничего, прорвемся, – Сережка подмигнул новому знакомому. – А вот скажи: почему Альберт сказал, что у него шерсть на ушах?

– Не знаю. Он вообще странный.

– А кто не странный? – философски вздохнул Сережка. – Я читал: шерсть на ушах росла у братьев Стругацких...

– У всех братьев? – с любопытством переспросил Шпень. – И чего – очень заметно?

– Да нет! – засмеялся Сережка. – Братья Стругацкие – это писатели. Они вместе книжки писали. А шерсть росла у ихних героев, если они работали плохо или не своим делом занимались. Но причем тут Альберт?

– Не знаю, – повторил Шпень и понизил голос. – Он вообще-то добрый. Когда у меня... совсем плохо было, он меня подкармливал и погреться пускал. У него сын больной – знаешь? Старше нас, а не ходит, только на коляске ездит, и весь такой... В общем, ужас. И денег на лечение прорва идет. Альберт хотел за границей его лечить, но средств пока не хватает. А голова у него вроде как в порядке. Вот Альберт и приспособил ему компьютер, чтоб это... ну, игрался он, в общем. А потом и сам... компьютерный клуб открыл.

– Понял! – обрадовался Сережка. – Он раньше, наверное, ученым был, а потом из-за сына сюда подался. Вот и говорит, что шерсть на ушах!

– Ну, наверное, – нерешительно согласился Шпень. Видно было, что Сережкиных рассуждений он не понял. – В общем, одна у тебя надежда, – сказал он, кивая на экран. – Взять клад, который на старой мельнице.

– Хорошо бы, – вздохнул Сережка. – Только я ключа не знаю.

– В замке карта есть. Вернись, поищи.

– Да... а там маг! Он меня и кончит...

– Ну, решай сам. Или кончай здесь, начнешь другую.

– Не успею уже, – с сожалением сказал Сережка. – Мне домой – не позже девяти. Иначе на пороге – отец с ремнем. А ты?

– Да-а, строго у тебя, – посочувствовал Шпень. – Я-то здесь всю ночь кантоваться собираюсь.

Сережка задумался.

– Везет тебе – никто не ищет, а у меня как на полчаса задержишься, сразу скандал: мы тебя кормим-поим, значит, должен делать, как мы велим... – Сережка задумался. – А вот бы настоящий клад найти... Правда, Шпень? Сразу бы разбогатели, да? Родителям подарки, чтоб не возникали, машину бы купили иномарку, квартиру, компьютер...

– Щенка бульдога, барабан и жениться, – подсказал проходящий мимо Альберт.

– А жениться зачем?! – удивился Шпень. Щенок и барабан никаких сомнений у него не вызвали.

– Отчего ж? – солидно сказал Сережка. – Если денег много, можно и жениться.

– Это, пацаны, цитата из «Приключений Тома Сойера», писателя Марка Твена. Том Сойер тоже клады искал.

– Ну тебя, Альберт! – отмахнулся Шпень. Видно было, что он уже устал от всяких писателей. – Скучный ты. Вот Серый – свой парень, веселый. Только, вот как я думаю, Серый: клады, они не лежат просто так. Их еще взять нужно. Взял – и король, – Шпень многозначительно усмехнулся и вытащил из кармана сторублевку.

– Осторожней, Шпень, осторожней. История учит: короли часто плохо кончали, – предупредил Альберт.

– Не учите меня жить, лучше помогите материально, – важно процитировал Шпень, и все трое рассмеялись. Потом Сережка поднялся.

– Ладно, Шпень, покада, я пошел. Увидимся еще!

– А то! – воскликнул Шпень и опустил на нагретый Сережкой стул.

Много-много книг на высоких, до потолка книжных полках. Книги все больше по истории, этнографии, философии. Стоят в ряд багровые тома Большой Советской Энциклопедии. В углу у окна – большой пыльный фикус в кадке. Слева от него компьютерный стол. За компьютером сидит Родион в свитере и тренировочных штанах и играет в какую-то очень слож-

ную игру, напоминающую трехмерные шахматы. Большой пушистый кот лежит на закруглении стола и внимательно наблюдает за движением фигурок на экране. Кончик его хвоста ритмично подергивается. Родион притопывает ногой, обутой в шлепанец, и повторяет в такт движению кошачьего хвоста:

– Забыть, забыть, забыть...

В комнату неслышно входит высокий мужчина в больших дымчатых очках. Некоторое время наблюдает за мальчиком и его действиями, потом спрашивает:

– Аутогенная тренировка?

Родион вздрагивает, резко оборачивается.

– Привет, папа. Тебе компьютер нужен?

– Не хочешь говорить? Неужели влюбился? Зачем же тогда забывать? Первая любовь – это светлая память на всю жизнь.

– Вот еще! – презрительно фыркает Родион. – И потом ты опоздал – первая любовь у меня уже была.

– Да ну?! Как же я не заметил! И кто же она?

– Дочка нянечки из детского садика. Ей было лет пятнадцать, а мне – пять. У нее были рыжие волосы и веснушки. Ее звали Варя. Я за ней везде ходил, а она меня била...

– Да ты, Родька, мазохист! А что же теперь?

– Теперь совсем другое.

– Ну ладно, ладно, в чужие тайны не лезу... Я бы и впрямь поработал, если ты не возражаешь...

– Конечно, папа. Я пойду к себе, почитаю.

– Как в школе?

– Все нормально.

– Никаких сюрпризов в конце четверти?

– Все нормально.

– Ну ладно, отдыхай.

Родион входит в кабинет, держа раскрытую книгу. Отец за компьютером читает с экрана иностранную статью. Кот поднимает голову и глядит на мальчика непроницаемыми глазами.

– Папа, я хотел тебя спросить...

– Подожди, сейчас сохраню это в текстах, выйду из сети и поговорим... Я тебя слушаю.

– Папа, Марк Твен – реалист?

– Ну да, конечно. Реалист из реалистов. А почему ты спрашиваешь?

– Но вот, смотри, Том с Геком находят клад. Точнее, это индеец Джо прячет деньги, и в том же месте находится еще один клад, и Том с Геком – прячутся тут же. Это же все совершенно недостоверно с точки зрения теории вероятностей. Чтобы два клада – точно в одном и том же месте. Так не бывает.

– Ну не скажи... Понимаешь, люди же в общем довольно похоже мыслят. По-настоящему оригинальных людей мало. И если одному человеку какое-то место показалось подходящим для того, чтобы спрятать деньги или еще что-нибудь ценное, то и другому это же место тоже может показаться вполне пригодным. Вот тебе и два клада в одном месте. Смекнул?

– Да, я об этом не подумал. А ведь сейчас уже все клады отыскали, верно? Ну, кроме каких-нибудь уж совсем древних, которые никому, кроме археологов, не интересны...

– Опять же не скажи. Библиотеку Ивана Грозного не нашли? Это раз. Янтарную комнату считай заново делают – это два. Крест Ефросинии Полоцкой и другие сокровища вме-

сте с ним после войны так и потерялись – это три. Хазарское золото, казна тамплиеров... Да чего там говорить – масса всего по-настоящему ценного. И с исторической, и с сугубо материальной точки зрения. Но, конечно, надежды разбогатеть по методу Тома Сойера мало, если тебя это интересует...

– Да нет, я просто так спросил...

– Да вот чего далеко ходить... Я как раз сейчас материалы смотрел, пытался разобраться. Понимаешь, прошла по нашим каналам информация, что найден золотой потир князя Святослава, который он в свою очередь то ли получил в дар, то ли в дань взял у византийцев. Помнишь, тот, который врагам вызов посылал: «Иду на вы...» Все взбудоражились, на уши встали...

– А что такое потир?

– Это такая чаша для причастия, у христиан. Сам-то Святослав был язычником, и к красивым вещам равнодушен, но золото – оно и тогда золотом было. Да и мать его, княгиня Ольга, была христианкой.

– И что эта чаша?

– Так вот, она и с ней кое-что еще – это и есть настоящий клад. Нашли его почти случайно какие-то рабочие в Новгороде, долбили фундамент старого храма и... Наследники Ольги и Святослава вроде бы передали потир местной храмовой общине. Потом там много чего случилось, храм разрушили и потир, естественно, затерялся. Считался пропавшим, переплавили в золото во время татар, или еще чего. Вызвали местных историков-краеведов, они за головы схватились, запросили специалистов из Эрмитажа. А главный специалист по византийскому золоту у нас старенький совсем, никуда ездить уже не может. Решили везти чашу и другие штуки к нему. Упаковали все, погрузили в контейнер и поехали в Питер. Приехали, распаковали, а чаша-то пропала. Все остальное – на месте, а ее нет.

– Украл! – уверенно говорит Родион.

– Но кто? И когда? Местные историки глаз с нее не спускали. Еще бы! Такая находка один раз за жизнь выпадает! Ценность-то какая! По преданию, из нее Кирилл причащался, когда к славянам уходил.

– Кирилл, это который азбуку придумал?

– Ну да, в общем... Но это, я сейчас посмотрел, еще вилами по воде писано. Могли византийцы и соврать, чтобы Святославу польстить, ценность потира повысить...

– Зачем же им врать, если Святослав – воин и язычник? Что ему Кирилл?

– Логично мыслишь, – отец смотрит на сына с некоторым удивлением. – Но тут же еще и Ольга, мать его, присутствует... Так что вот тебе – клад и детектив в одном флаконе. Почисти Тома Сойера.

– Милиция искать будет?

– Будет, конечно. Но... Ты же знаешь... Людей убивают, ценности прямо из музеев пропадают... А тут... то ли было, то ли не было. Ведь даже акта никакого толком составить не успели, никто, кроме местных краеведов и сопровождающих, ее и не видел. Надо было мне самому поехать... А может, это вообще копия, подделка, еще что-то другое...

– А фотографии есть?

– Фотографии-то есть, но по фотографиям экспертизы не проводят.

– А кому она вообще-то нужна, кроме музеев?

– Если потир подлинный, византийский, старше 10 века, то частные коллекционеры на Западе огромные деньги отвалят. А так... там же золото, камни драгоценные... Глупо! – отец Родиона ударяет кулаком по столешнице, кот недовольно морщится, стучит хвостом, вытягивает лапы с желтоватыми когтями. – Если он и вправду нашелся, нельзя, чтоб снова сгинул!

– Папа... ты... вы хотите его сами найти?

– Да ты что, Родька! Как это я... мы... что мы, сыщики, что ли? Археологические находки, они на своих ногах не бегают. С чего это ты вздумал?

– Ладно, ладно, – передразнивая отца, говорит Родион. – В чужие тайны не лезу... Работай...

Какая-то южная, тропическая или субтропическая страна. Белый дом в колониальном стиле. Пальмы, бассейн, слуги в длинных свободных одеждах. На просторной веранде двое людей пьют что-то из высоких бокалов и разговаривают. Старший толст, силен, лупоглаз, то и дело вытирает платком мокрую красную шею. Тот, что помоложе, – с острым, зверушечьим лицом и умным взглядом.

Разговор идет по-английски.

– Деньги на операцию переведены. Но я так и не понял: когда потир будет у меня в руках?

– Здесь, в этом доме? Об этом, по-моему, не было речи.

– Ну хорошо, вы правы, пусть у моего представителя в Лондоне, Париже или Мадриде. На ваше усмотрение. Доставка на острова – это уже мое дело.

– Я думаю, сэр, это вопрос нескольких дней.

– Осложнений не ожидается?

– Нет? Главное осложнение в подобных делах – деньги. Точнее, их отсутствие. За деньги в сегодняшней России можно купить все. И всех. В этом смысле сегодняшняя Россия абсолютно предсказуема и управляема. Как вы понимаете, сэр, это очень выгодно для наших текущих целей.

– Вы не ошибаетесь? Не выдаете желаемое за действительность?

– Нет. Все предварительные договоренности выполнены. Потир уже в руках у заинтересованного, если говорить прямо, купленного нами человека. Его передача – чисто технический вопрос.

– А не будет ли потом утечки информации от этого... заинтересованного человека?

– Не будет, сэр. Об этом мы тоже позаботимся.

– Ну что ж. Жду, как вы понимаете, с нетерпением.

Невысокий мальчик в косухе и стройная девочка гораздо выше его ростом медленно идут по краю пустыря. Поодаль, то забегая вперед, то отставая, бегут их собаки. Восточно-европейская овчарка принадлежит мальчику, крупная дворняга неопределенной породы – девочке. Шагах в двадцати сзади идет еще один мальчик – высокий, темноволосый. Собаки у него нет, и что он делает вечером на пустыре – непонятно.

– И тут я достаю автомат и бах! Бах! – они сразу, понятно, разлетаются веером... – рассказывает Сережка, и довольно живо показывает, сначала, как он стрелял, а потом, как они разлетались. Хватается за грудь и падает навзничь прямо в снежную кашу, но в последний момент как-то хитро выворачивается и встает на ноги.

Девочка смеется, собаки недоверчиво прислушиваются, сторожко поводят ушами.

– А у меня спина болит, – жалуется девочка. – И Мария Николаевна опять ругалась, что плохо растягиваюсь.

– Да у тебя растяжка... – возмущается мальчик. – Чего ей надо-то?! У нас в клубе ни у кого такой нет. Даже у Степана Анатольевича.

– А для нас – мало, – вздыхает девочка.

– Слушай... – Сережка нервно оглядывается, смотрит на плетущегося сзади черноволосого. – А чего этот за нами идет, а? Уже второй круг. Чего ему надо, как ты думаешь?

– Не знаю, только он уже почти месяц так ходит. Я привыкла.

– Как это?! – изумляется Сережка. – Следит за тобой, что ли? Ты его знаешь?

– Да в общем-то знаю. Он в параллельном классе учится. Приехали они откуда-то. Только я с ним ни разу не разговаривала.

– А чего ж он за тобой ходит?

– Не знаю...

– Достал? – многозначительно спрашивает Сережка.

– Да в общем-то, да, – девочка пожимает плечами. – Сказал бы что, а так...

Сережка разворачивается и решительно идет навстречу черноволосому, сунув руку за отворот косухи. Тот останавливается, но не уходит, поджидает.

– Сережка! Да брось ты! – нерешительно окликает девочка. Сережка даже не оборачивается. Девочка тоже останавливается поодаль и смотрит на разворачивающуюся ситуацию с явным любопытством.

Некоторое время мальчики стоят почти вплотную и рассматривают друг друга. Черноволосый значительно выше, но Сережка – точнее в движениях и как-то лучше скроен.

– Слушай, ты чего за нами ходишь? – спрашивает Сережка, пока вполне миролюбиво.

– А чего – нельзя? – спрашивает черноволосый. – Пустырь общий. Хочу – гуляю.

– Так ты гуляй в другом месте. Найди и гуляй. Ты Анку достал, понял? Отвали! А не понял, так получишь сейчас.

Черноволосый мальчик не выглядит испуганным, скорее печальным.

– Анна – твоя девушка, да? – спрашивает он. – Это она просила тебя гнать меня?

Сережка явно теряется. Чтобы не показать своего замешательства, заводит себя, злится на черноволосого практически насильно. Замечает, что тот говорит по-русски с акцентом и тут же цепляется к этому.

– Понаехали тут! Сначала по-русски научись разговаривать, а потом... Какая Анка тебе девушка? Отвали и все!

– О, я теперь знаю, она не попросила тебе! Ты сам хотел! – темпераментно восклицает черноволосый и хочет сказать что-то еще, но не успевает. Сережка отталкивается от земли обеими ногами и прыгает на него, как кошка на крупную собаку. Мальчики падают в осеннюю грязь, и некоторое время сосредоточенно мутузят друг друга. Обе собаки подбегают поближе и с интересом наблюдают за происходящим. Овчарка смотрит молча, а дворняга припадает на передние лапы и заливается звонким лаем.

– Ну все, мальчики, хватит! Все! – говорит Анка, подходя вплотную к дерущимся, но не решаясь ничего предпринять. Потом оборачивается к собакам, говорит возмущенно. – Альфа, как тебе не стыдно! Сделай же что-нибудь!

Овчарка нерешительно походит к катающимся по грязи мальчишкам, приглядывается и, тихо рыча, тянет за куртку хозяина – Сережку. Сережка отмахивается от собаки, черноволосый тут же воспользовался этим, вырвался, вскочил.

Сережка тоже вскакивает, утирает горстью разбитый нос.

– Ну что, черный, получил? Будешь еще следить?

Черноволосый облизывает распухающие губы, говорит упрямо:

– Все равно буду ходить. Не следить. Так.

Сережка раздувает ноздри, он готов снова кинуться в драку, но Анка берет его за рукав:

– Пойдем отсюда. – На черноволосого она почему-то старается не смотреть. И вообще ей как-то странно. Анка ежится, поднимает воротник куртки, потом надевает капюшон. Теплее не становится. Холод и странное неудобство идут откуда-то изнутри.

Сережка и Анка идут прочь. Собаки внимательно обнюхивают неподвижно стоящего черноволосого и бегут следом.

– Придурок какой-то, да?! – возмущенно восклицает Сережка.

Анка не слушает его, оборачивается.

– Как тебя зовут? – тихо спрашивает она. Черноволосый мальчик читает вопрос по губам.

– Тахир, – так же тихо отвечает он.

Несколько секунд мальчик и девочка смотрят друг другу в глаза, потом Анка отводит взгляд и уходит уже окончательно.

Темно. Потом луч фонарика шарит по стенам с выкрошившейся кирпичной кладкой и ключьями паутины. Следом зажигается свеча, ее огонек трепещет от сквозняка, освещает голову мужчины в низко надвинутой на глаза шапке, небритое лицо с острым, похожим на клнов носом. Лицо, скорее всего, обыкновенное, но в антураже подземелья оно кажется зло-вещим.

– Гляди, Птица, здесь живет кто-то, что ли? – слышится голос из темноты. – Вон тряпки какие-то, чайник...

– Да нет, – отвечает тот, кого называли Птицей. – Кому здесь жить? Бомжам не пролезть. Ты ж видел, нам не только доски рвать, лаз пришлось расширять. Ребятишки, наверное, играли когда-то, от них осталось. Родителям не нравилось, потому и заколотили.

– А чего здесь раньше-то было?

– Да кто его знает? Может, бомбоубежище, может, вентиляция, может, запасной выход откуда. Мало ли всего при Советах строили...

– Так, думаешь, надежно здесь?

– Нормально. Нам же всего дня три прокантоваться. Потом от покупателя человек под-гребет. А уж денежки-то мы понадежней спрячем. В банк.

– Да ну их, банки-то! Они ж горят, как спички. Капусту лучше при себе держать. Или уж в надежном схороне.

– А кто тебе говорит про наши банки? Дураков нет! Швейцария, брат!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.